

Сказка братьев Гримм: Двенадцать ленивых работников

Двенадцать работников день-деньской ничего не делали и вечером тоже себя утруждать не хотели. Вот легли они раз на травку и стали своей ленью похваться.

Первый сказал:

— Да какое мне дело до вашей лени, — мне и своей-то хватит. Работа о себе — это главная моя работа; ем я немало, а пью и того больше. Съем я этак четыре обеда, затем попохусь маленько, пока голода не почувствую, — так-то оно для меня, пожалуй, лучше всего. Рано вставать — это не в моем обычае; если дело подходит к полудню, то найду я себе местечко где-нибудь поспокойнее. Позовет хозяин, а я будто и не слышу; позовет еще раз, а я подожду немного, пока он меня подымет, ну, и иду уж, конечно, медленно. Этак жить еще можно.

Второй сказал:

— А мне вот за лошадьё ухаживать приходится, но уздечку я с нее не снимаю; если мне неохота, то и корму ей не даю и говорю, что, дескать, она уже поела. Завалюсь я в ясли с овсом и посплю этак часика четыре. Затем протяну ногу и поглажу разок-другой лошадь по спине, вот она уж и почищена, да кто ж спрашивать-то да проверять будет? Но служба у меня все же слишком тяжелая.

Третий сказал:

— И зачем себя мучить работой? Да и что в том толку? Лягу это я себе на солнышко да посплю. Начнет дождь накрапывать, а мне зачем вставать? Ну и пусть себе, слава богу, идет. И полил, наконец, ливень, да такой сильный, что аж волосы с головы срывал и с водой уносил, вот и дыру мне в черепе продолбил; ну, наложил я себе пластырь, и ничего — обошлось. Таких бед да несчастий у меня было достаточно.

Четвертый сказал:

— А я, прежде чем за работу приняться, промешкаю сначала с часок, чтоб силы набраться, а затем и начинаю помалу, и спрашиваю, нет ли случайно кого, кто бы мне помог. Ну, и уступаю ему большую часть работы, а сам только присматриваю; но для меня и этого слишком много.

Пятый сказал:

— Да это что! А вот вы представьте себе — должен я навоз убирать из конюшни и накладывать его на телегу. Дело это я делаю медленно, наберу немного на вилы, подыму вверх, — ну, так с четверть часа и отдыхаю, пока на телегу не кину. Довольно и того, если за день одну телегу вывезу. Нет у меня охоты работать до изнурения.

Шестой сказал: — Эх, стыдно вам: я вот никакой работы не боюсь; полежу сперва недельки три и даже одежду с себя не снимаю. Да к чему еще эти пряжки на башмаках? Пусть себе с ног сваливаются — это ничего. А если на лестницу мне взбираться, то поставлю я не спеша сначала одну ногу, а затем другую на первую ступеньку, потом сосчитаю и остальные, чтобы знать, где можно будет передохнуть.

Седьмой сказал:

— Нет, у меня дело совсем другое: мой хозяин следит за моей работой; но только целый день его не бывает дома. Однако же я всюду поспеваю, ничего не упускаю, бегаю, елико возможно, когда ползаешь еле-еле. А чтоб сдвинуть меня с места, это, пожалуй, только четверем дюжим парням под силу будет. Пришел это я раз, а на полатах лежат рядом шестеро и спят. Лег и я с ними и заснул. И не разбудить меня было, а тут я дома по хозяйству оказался нужен, так пришлось нести меня, надо сказать, на руках.

Восьмой сказал:

— Ну, видно, я всех вас проворней буду: вот ежели, например, лежит где камень, я себя не утруждаю, чтобы ногу поднять да переступить через него, а ложусь прямо на землю — все равно грязь или лужа попадется — и лежу себе, пока на солнце не высохну; разве что повернусь на другую сторону, чтобы оно меня грело.

Девятый сказал:

— Да это что! Вот нынче лежал передо мной хлеб, но мне было лень его взять, так я чуть было с голоду не помер. Да стояла еще кружка, но была она большая да тяжелая, ну, мне и не хотелось ее подымать, — уж лучше было от жажды страдать. Перевернуться с боку на бок — это для меня слишком много; так и пролежал я день-деньской, как бревно.

Десятый сказал:

— А вот у меня из-за лени беда приключилась: ногу сломал я себе, да икры вспухли. Лежало нас трое на проезжей дороге, и я ноги вытянул и лежу. А тут едет повозка, — ну, колеса меня и переехали. Правда, я мог ноги принять с дороги, но я не слышал, как телега ехала, — все комары над ухом жужжали, в нос влетали, а через рот вылетали; но кому охота придет их еще отгонять?

Одиннадцатый сказал:

— Вчера от службы я отказался. Неохота было мне таскать своему хозяину тяжелые книги то туда, то сюда, — и так каждый день без конца. Но, правду сказать, хозяин меня отпустил и удерживать не стал; платья я его никогда не чистил, и их моль все поела, — вот это да-а!

А двенадцатый сказал:

— Сегодня пришлось мне ехать по полю в телеге; положил я на нее соломы и лег, — ну и крепко заснул. Вожжи из рук у меня и выпали. Проснулся, вижу — лошадь из упряжи вырвалась, нет ни постромок, ни хомута, ни уздечки, ни удил. А мимо проходил какой-то человек, — он все и унес. Да к тому же попала телега в лужу, в ней и застряла. Я ее так и оставил, а сам опять на солому завалился. Приходит, наконец, сам хозяин; вытащил он телегу, — а не приди он, то и не лежал бы я тут с вами, а лежал бы там да спал себе преспокойно.